

Полная луна залила Кохону торжественным светом. Ее меланхоличные лучи выбирали, где поделиться своим блаженным светом, оставляя все остальное в темноте. По крайней мере, так думал Джирайя. Он сидит на крыше особняка Хокаге и готовится. Они уже слишком сильны, эти его эмоции. Он уже не в силах заставить их подчиниться. Они бьются и когтями прокладывают себе путь наверх, склоняя его к своей воле. Он должен освободить их. Слишком много времени прошло в молчании. Избегать. Бежать.

Он спрыгивает, позволяя ветру промчаться мимо, и приземляется на знакомый карниз окна. Он знает, что уже поздно. Однако, по словам Шизуне, Цунаде сегодня должна работать допоздна, чтобы успеть доделать свои бумаги.

Окно, как всегда, открыто. Однако, когда он шагнул в окно, то увидел совсем не то, что ожидал увидеть. Вместо Цунаде, спокойно работающей за своим столом, как он уже не раз видел, в комнате царил беспорядок - бутылки с саке и прочими спиртными напитками на всех поверхностях, бумаги разбросаны по полу, мерцает разбитая лампа, ее угасающее сияние мало что проясняет. Он услышал стон и уверенно вошел в комнату.

Цунаде с жалким видом лежит на полу, окруженная пустыми бокалами. Джирайя некоторое время смотрит на нее сверху вниз, но чувствует, как напряжение ослабевает и смягчается. Он приседает рядом с ней и слегка подталкивает ее, чтобы пробудить от глубокого сна. Она снова застонала, зашевелилась и пробормотала что-то невразумительное. Она отталкивает его.

"Давай", - говорит он негромко, требовательно.

Она снова лениво отталкивает его, бормоча бессвязную фразу, но он понял, что она спрашивает, что он там делает. Он не обращает на нее внимания, обхватывая руками ее спину и колени. Она выглядела ужасно - кожа покраснела, но была очень бледной. Ее некогда сияющие золотистые локоны потускнели и лишились прежней жизни. Он несет ее в ванную комнату ее квартиры. Она борется с ним. Безвольно отталкиваясь от его груди, слабо пытаясь освободиться от его крепкой хватки. Он уже подумывает отпустить ее и позволить ей упасть на пол, как она хочет, но ругает себя за эту мысль. Ее руки лениво развешиваются, она ворчит от усилий, которые потребовались, чтобы бросить ему вызов. Довольный этим, он легонько сжимает ее, привлекая к себе внимание после того, как задержка в ее сознании настигает ее.

"Цунаде... посмотри на меня. Позволь мне помочь тебе... пожалуйста".

Ее колеблющийся взгляд встречается с его суровым темным взглядом, в котором едва угадывается мольба. Она позволяет своему телу расслабиться, подчиняясь его воле. Она не сопротивляется, когда он усаживает ее на табурет в ванной или помогает ей раздеться. Он стоит перед ней, стягивая через голову рубашку. Но она смотрит мимо него. Мгновения той ночи затуманивают ее и без того нечеткое зрение. Потерянный в прошлом. Отсутствует в настоящем. И надежда на будущее, которое она для себя определила, угасала вместе с познаваемым окружающим миром.

Он с почтением снимает с нее испачканную и порванную одежду, бросая ее пока на пол. Он займется их стиркой позже. Он ненадолго встает, чтобы снять с нее штаны и нижнее белье, и отбрасывает их в сторону вместе с остальным. Он снова усаживает ее на табурет, наблюдая за ней и убеждаясь, что она достаточно устойчива, чтобы он мог на время отойти. Он отворачивается, подходит к ванне и поворачивает кран, чтобы наполнить ее теплой водой, и проводит рукой по ванне, чтобы убедиться, что температура достаточная. Пока ванна наполняется, он смотрит на ее отрешенную фигуру, которая даже в состоянии диссоциации положила руку на грудь. Он пробирается к ней сзади, работая с завязками на ее волосах.

Осторожно распутывая одну из завязок, скрепляющих ее белокурые косички, он слышит, как она что-то говорит едва ли не шепотом. Он приостанавливается и с раздражением вздыхает.

"Извращенец".

Он уже наполовину готов рассмеяться над этим замечанием и над тем, как нагло она сейчас над ним издевается. Но, несмотря на это, она не делает ни одного движения, чтобы остановить его или сказать что-нибудь еще. Как будто называть его так - это инстинкт, от которого не может избавиться даже ее автопилот. Он осторожно снимает второй галстук, кладет один на стойку, а другой обматывает вокруг запястья. Он собирает ее волосы на макушке и, как может, формирует из них растрепанный пучок. Не то чтобы это имело большое значение. Просто пока что они не должны мешать.

"Не сегодня", - негромко сказал он, и этот рашпиль не смог скрыть его усталости.

Она ничего не говорит, просто смотрит вперед на стену. Он заканчивает завязывать ей волосы и осторожно поднимает ее с табурета, подхватывая на руки и опуская в теплую воду. Он выключает кран, так как он уже наполнен. Он находит мыло для ее тела и мочалку, растирает его до состояния пены. Он начинает с легкого, нежно массируя ее руки и плечи, переходя к шее и груди. Затем он осторожно поднимает из воды по одной ноге, чтобы помыть ее. Каждое движение мучительно медленно, не торопясь, чтобы не оставить ни малейшего пятнышка грязи. Аккуратно, чтобы не повредить ее до того безупречную фарфоровую кожу. Вежливые нежные круги, ласкающие и очищающие ее тело и разум от грязи.

Он осторожно усаживает ее вперед. Ее голова опускается, не в силах удержать свой вес, пока он проводит нежные круги по ее спине. Закончив, он снова усаживает ее прямо, но она не поднимает головы, ее руки на коленях дрожат. Он наблюдает, как слезы беззвучно текут из ее глаз, спускаются по носу и ритмично капают в неподвижную воду.

"Почему...", - она тихо икает, ее голос срывается, - "Почему ты это делаешь?".

Он почти не обращает на нее внимания. Она знает ответ. Почему она должна заставить его сказать это прямо сейчас? Он глубоко вдыхает.

"Потому что я люблю тебя. Всегда любил и всегда буду любить. Ты это знаешь, - тяжело вздыхает он, - я сейчас вернусь. Вымою твои интимные места".

Хотя слова его были суровы, в голосе звучала мягкость, свидетельствующая об их истинности. Он всегда был нежным, подумала она. Даже после всего, через что ей пришлось пройти, его любовь к ней не ослабевала. Только развивается и растет. Верно присутствующая, несмотря на ее вечное отсутствие. Она знает, как сильно он ее любит. С тех пор как они были детьми, он никогда не скрывал своих чувств, не сомневаясь, что она - та, кто ему нужен. На протяжении всей их жизни этот простой факт оставался неизменным. Вечное присутствие.

Джирайя вернулся в ванну, найдя поблизости кувшин, чтобы ополоснуть ее, а также некоторые средства для волос. Он также взял полотенце, положил его на стойку, а кувшин - на край ванны.

Он присел на бортик ванны позади нее, откинул ее голову назад и прислонил к своему бедру, тщательно промокая ее волосы и следя за тем, чтобы вода не стекала по ее лицу, не беспокоясь о том, что его одежда намокла.

"Знаешь... мы должны поговорить об этом. Ты не можешь убежать от меня вечно".

Он мягко вспенивает шампунь, нежно массируя кожу головы. Ее глаза устремлены в потолок - далеко-далеко, в другое время. У нее пустое выражение лица, слезы продолжают катиться по вискам. Невозможно вернуться к разговору.

"Хорошо. Я буду говорить", - утверждает он. Он пытается успокоить себя, прежде чем продолжить, делая глубокие вдохи.

"Та ночь... была горько-сладкой. Поначалу все казалось нормальным - посиделки в пабе, как это было много раз до этого. Но в тот вечер все было по-другому. Ты был другим. Я знал, что ты делаешь. Я не идиот. Но я обманывал себя, говорил себе, что наконец-то настал мой черед, мое время быть счастливым. И я позволила тебе выместить это на мне. Использовать меня по своему усмотрению. Я добровольно разбила собственное сердце, но мне было все равно. "Только на одну ночь", - сказала я себе, - "я буду эгоисткой". Не стоило удивляться, когда я проснулась в пустой постели. Это было к лучшему. Потому что, хотя ты воспользовался моими чувствами к тебе, я воспользовалась твоим горем. Вот почему я не бегала за тобой. Я знала, что ты ненавидишь себя за то, что сделал со мной, как и я сама. Потом пришло время, когда ты стал нужен деревне. Я отбросил все, все свои чувства, эмоции, я отложил их в сторону и взял с собой Наруто. Я знал, что ты меня не слушаешь, а этот парень, - Джирайя издал пустой смешок, - я знал, что он сможет тебя убедить".

Он берет кувшин и наполняет его теплой водой, чтобы смыть шампунь с ее волос. Медленно вода течет по ее волосам, увлекая за собой пены, стекает по прядям и попадает на его брюки в теплую воду в ванной. Она не шелохнулась. Он мог бы подумать, что она заснула на нем, если бы ее глаза не смотрели в потолок. Он не мог ее винить, но ему нужно было убедиться, что она все еще слушает его. Он положил нежную руку на ее лицо, привлекая ее внимание, и провел большим мозолистым пальцем по ее щеке, собирая слезы для себя.

"Но больше всего меня ранило то, что мой лучший друг, моя единственная любовь лгали мне. Я чувствовал себя дураком, когда узнал об этом. Ты уже давно вернулась домой, пока Кацумэ не пришел к тебе. У тебя были месяцы, чтобы рассказать мне. А ты вел себя так, будто между нами ничего не изменилось. Ты поступил эгоистично. В ту ночь пострадал не только ты. Ты мог бы разыскать меня и сообщить о своей беременности нашей дочерью или послать кого-нибудь, если уж на то пошло. Ты хотя бы попыталась? Мы могли бы что-нибудь придумать вместе, Цунаде. Но если бы ты по-прежнему упорно не хотела быть матерью, я бы с радостью взяла на себя эту роль. Ты думала, я рассержусь? Катсуме не заслужила того, чтобы расти с мыслью, что ее некому любить".

Молчание.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на свои руки, тщательно перебирающие ее волосы.

"Я знаю, почему ты это сделала. Мне не нужно, чтобы ты объясняла. Я знаю настоящую причину, ту, о которой ты ей не сказал. Стыд. Чувство вины. Раскаяние... Дэн... Я, конечно, плохо его знаю, но неужели ты думаешь, что он хотел бы для тебя такого? Я думаю, он хотел бы, чтобы ты была счастлива, несмотря на все твои промахи. Ты не смогла бы разочаровать этого человека, даже если бы попыталась".

Он провел кондиционером по ее светлым локонам, начиная с кончиков, аккуратно распутывая колтуны по мере продвижения вверх. Некоторое время он молчал, давая Цунаде вникнуть в его слова, пока он смывал средство с ее волос. Он чувствовал, как участилось ее дыхание, как участился пульс, как напряглась ее шея, прижавшись к его ноге. Он должен был затронуть тему Дэна. Без этого никак не обойтись, подумал он. Ее чувство вины за его смерть - вот

чудовище всего этого испытания. Ее парализующее горе. Начало всего этого.

Джирайя тоже был виноват. Он знал это. Если бы он не позволял своей любви к ней закрывать глаза розовыми очками, он мог бы стать тем другом, который был ей нужен в ту ночь. Тем, кто отстранит ее, когда она выпьет слишком много. Он мог бы стать для нее плечом, за которое она могла бы держаться, когда он провожал ее домой. Тот, кто принесет ей стакан воды и уложит в постель. Тот, кто скажет ей "нет". Он не смог стать для нее таким другом тогда, но он собирался искупить свою вину, став таким другом для нее сейчас.

Он еще раз смыл воду, прежде чем спустить воду из ванны. Он усаживает ее и берет полотенце со стойки. Он гладит ее по волосам, слегка сжимая кончики, чтобы впитать воду. Затем он обернул полотенце вокруг ее обнаженного тела и поднял ее из ванны. Он несет ее в спальню, усаживает на край кровати и насухо вытирает тело, после чего отправляется искать ей что-нибудь для сна. Порывшись в ящиках, он нашел легкую ночную рубашку средней длины, которая оказалась самой простой. Он надевает ее через голову, протягивая ей руки. Он опускается перед ней на колени, раздвигая ткань, чтобы она была полностью закрыта. Он опускается на колени, ладонями обхватывает ее лицо и большими пальцами вытирает слезы.

"Прости, я не Дэн. И мне жаль, что я еще не был тем человеком, который был тебе нужен в ту ночь. Но теперь я здесь. Я могу стать тем, кто тебе нужен. Как бы я тебе ни был нужен, - он слегка улыбнулся, - я знаю, ты ненавидишь обещания, поэтому я не буду их давать. Просто знай, что я здесь и сейчас. "

Ее слезы текут свободнее. Черты ее лица наконец-то раскрываются вместе с эмоциями. Она испускает сильные рыдания, и ей становится все труднее перевести дыхание между ними. Ее тело дрожит и сотрясается от каждого крика. Наконец она отпускает руки.

"Мне... так жаль, Джирайя. Прости меня за все".

Она повторяла свои слова снова, снова и снова. Сколько бы раз она ни повторяла, думала она, этого никогда не будет достаточно. Но она продолжает, потому что это все, что у нее сейчас есть. Единственные слова, которые она может произнести. Она произносит их, причитая до тех пор, пока ее горло не разрывается и не царапается, и она слишком измучена, чтобы вкладывать в них такую силу. Она говорит их, когда он откидывает волосы с ее лица. Она произносит их, даже когда он говорит ей, что нужно остановиться, что все в порядке, что нужно просто перестать плакать. Когда он обхватывает ее руками, прижимая ее лицо к своей груди и заглушая плач. Она продолжает их повторять. Это все, что она может предложить ему, потому что это все, что у нее есть сейчас.

Он обнимает ее, прижимая ее лицо к своей груди, пока она выплескивает все, что хранила в глубинах своей души. Слишком боится снова выпустить их наружу. Слишком боится снова оплакивать себя. Потому что в первый раз она не оплакала его как следует. Теперь она может отпустить. Теперь он здесь. Так, как ей нужно. Не ради своих эгоистичных желаний, а чтобы по-настоящему начать жизнь с самым близким другом. Любовь всей его жизни все еще где-то здесь, но ей нужно время, чтобы исцелиться. Он не ждет, что она покажет себя, но всегда будет рядом, если она это сделает. Сейчас он был готов к ней. Он будет ждать столько, сколько потребуется, и даже больше. У него есть его друг, и этого ему достаточно.

Он слушает, как выравнивается ее дыхание, как ее крики переходят в легкую икоту. Она плакала столько времени, сколько потребовалось ее волосам, чтобы высохнуть, подумал он и улыбнулся, проводя пальцами по ее шелковистым локонам, медленно, но верно возвращающим себе живой блеск. Ее дыхание глубокое и ровное, что свидетельствует о том, что она заснула.

Он укладывает ее в постель и, мягко улыбаясь, аккуратно убирает прядь с ее лица, а другой рукой проводит по гладкой фарфоровой коже. Наклонившись, он целомудренно целует ее в макушку. Он отстраняется от ее спящей фигуры и отходит к окну. Он всегда будет ждать ее. Даже если любовь всей его жизни никогда не откроется, он все равно будет рядом с ней.

Кроме того...

Не судьба ему быть счастливым.

<http://tl.rulate.ru/book/95482/3250075>